

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ I

1810 г. — 1827 г.

ИЗДАНИЕ

Графа С. Д. Шереметева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Сташлевича, Вас. О., 2 л., 7.

1878

XXXIII.

СОНЕТЫ КРЫМСКІЕ.

Wer den Dichter will verstehen
Muss in Dichters Lande gehen.
Göthe.

Акерманскія степи.

Вплывая въ пространство сухаго океана, колесница ¹⁾ ныряетъ въ зелени и какъ лодка выблется среди волнъ шумящихъ нивъ, среди разлива цвѣтовъ, минуя багряные острова бурьяна ²⁾.

Уже сумракъ нисходитъ: нѣтъ ни стези, ни кургана; смотрю на небеса, ищу звѣздъ путеводительницъ ладьи; тамъ вдали блещетъ облако? Тамъ денница всходитъ? Нѣтъ, это блещетъ Днѣстръ, это загорѣлся маякъ Акерманскій.

Остановимся! Какъ тихо! Слышу, какъ тянутся журавли, которыхъ не достигнулъ бы взоръ сокола; слышу, какъ мотылекъ кѣлшется на травѣ, какъ змія дотрогивается до растеній скользкою грудью. Въ этой тиши—такъ напрягаю ухо любопытное, что могъ бы услышать голосъ съ Литвы—ѣдемъ; никто не взываетъ.

Морская тишь.

На высотѣ Тарканкута.

Уже вѣтерокъ едва ласкаетъ ленты кормовой ставки, свѣтлѣющая вода разыгралась въ тихомъ лонѣ своемъ, какъ

---

¹⁾ Въ Польскомъ сказано woz wozъ, повозка; жаль, что у насъ нѣтъ общаго Русскаго слова для выраженія: équipage. Пер.

²⁾ На Украйнѣ называютъ бурьянами кусты травъ, которые лѣтомъ бываютъ покрыты цвѣтами и пріятно разнообразятъ равнины. Авторъ.

молодая невѣста, которой снится о счастіи, пробуждается, чтобы вздохнуть, и опять засыпаетъ.

Паруса, подобно хоругвамъ, по окончаніи битвы, дремлютъ на мачтахъ нагихъ; корабль легкимъ движеніемъ колышется, будто прикованный цѣпью: матросъ отдохнулъ; плователи развеселились.

О море! посреди твоихъ рѣзвыхъ живчиковъ ¹⁾ есть полицъ, который спитъ на днѣ, когда небо мрачно, а въ тишь развиваетъ онъ долгія рамена.

О мысль! въ твоей глубинѣ есть гидра воспоминаній: она спитъ въ годину бѣдствій и въ бурю страсти, но, когда сердце спокойно, оно вонзаетъ въ него когти свои.

Плаваніе.

Шумъ усиливается; морскія страшилища движутся толпами, матросъ взбѣжалъ по лѣстницѣ: готовьтесь, ребята! Взбѣжалъ, распростерся, повиснулъ въ невидимой сѣти, какъ паукъ, стрегущій движеніе ткани.

Вѣтеръ! вѣтеръ! Бьется корабль, срывается съ удила, раскачивается, ныряетъ въ пѣнистой мятели, заноситъ выю, затопталъ волны, и сквозь небеса летитъ, челомъ разсѣкаетъ облака, и вѣтеръ подъ крылья хватаетъ.

И мой духъ паритъ полетомъ мачты средь бездны; воображеніе вздувается какъ руно ²⁾ паруса, невольный вликъ соединяю съ веселою толпою.

Вытягиваю руки, падаю на лоно корабля: кажется, грудь моя поддаетъ ему бѣгу. Легко мнѣ! любо! Знаю, баково быть птицею!

Буря.

Паруса сорваны, корма треснула, ревъ волнъ, шумъ вихря; голоса встревоженной громады, звонъ насосовъ злобщій, по-

¹⁾ Въ Польскомъ *Zujatek*; это слово въ маломъ употребленіи на Польскомъ языкѣ, составлено было Трембецкимъ, на подобіе слова: *zwierzatek*, звѣрекъ. Слово: живчикъ существуетъ въ Русскомъ языкѣ, хотя и нѣтъ его ни въ Словарѣ Академіи, ни въ Словарѣ Церковномъ. Нельзя-ли примѣнить его къ живущей мелочи природы, къ малымъ тварямъ? Пер.

Примѣчаніе позднѣйшее: Въ Словарѣ Даля сказано: *живчикъ*, рыба для ловли щукъ—о человѣкѣ: проворъ, егюза, непосѣда.

²⁾ Въ Польскомъ *wagkosz*, *chevelure*. У насъ нѣтъ подобнаго слова. Пер.

слѣднія верьви вырвались изъ рукъ матросовъ, солнце кроваво заходитъ, съ нимъ остатокъ надежды.

Торжественно буря завывла, а на влажныя горы, возносящіяся ярусами съ бездны морской, вступилъ Геній смерти и пошелъ въ кораблю, какъ ратникъ въ проломленныя стѣны.

Одни лежатъ полумертвые, другой ломаетъ себѣ руки, сей прощающійся падаетъ въ объятія друзей, иные предъ смертію молятся, чтобы смерть отогнать.

Одинъ путникъ сидѣлъ безмолвно въ сторонѣ и мыслилъ: Счастливъ, кто утратилъ силы, или кто умѣетъ молиться, или знаетъ, кому сказать прости!

Видъ горъ изъ степей Козловскихъ.

Пилигримъ и Мирза.

ПИЛИГРИМЪ.

Тамъ? Не Алла ли поднялъ оледенѣлое море? Не Ангеламъ ли отлилъ онъ престолъ изъ замерзшихъ облаковъ? Не Дивы ли ¹⁾ вознесли стѣны изъ обломка вселенной, чтобы заградить каравану звѣздъ дорогу съ Востока?

Какое зарево на вершинѣ! ²⁾ Будто пожаръ Царь града! Не Алла-ли, когда ночь раскинула темный покровъ ³⁾, засвѣтилъ для міровъ, плавающихъ по морю природы, тѣ свѣтильники среди небеснаго круга!

МИРЗА.

Тамъ? Я туда доходилъ; тамъ зима обитаетъ: я видѣлъ, какъ клювы потоковъ и зѣвы рѣкъ пьютъ изъ ея гнѣзда;дохнулъ я, съ устъ моихъ летѣлъ снѣгъ; прокладывалъ слѣды тамъ, гдѣ орлы дороги не вѣдаютъ, гдѣ конецъ странствію облаковъ; я прошелъ мимо грома, дремлющаго въ колыбели изъ тучъ, тамъ, гдѣ надъ чалмою моею была только звѣзда. Это Чатырдагъ ⁴⁾!

¹⁾ Дивы, по древней Персидской мифологіи, злые геніи, нѣкогда царствовавшіе на землѣ, потомъ изгнанные Ангелами и нынѣ живущіе на концѣ міра, за горою Кафъ. Авт.

²⁾ Вершина Чатырдага, по закатѣ солнца, отъ отражающихся лучей, кажется нѣсколько времени пламенѣющею. Авт.

³⁾ Въ Польскомъ употреблено Татарское слово: хилать, халать. Пер.

⁴⁾ Самая высокая въ цѣпи горъ Крымскихъ, на южномъ берегу. Она видна издали почти въ 200-хъ перстахъ, съ разныхъ сторонъ, въ видѣ исполинской тучи синеватаго цвѣта. Авт.

ПИЛИГРИМЪ.

Ага!!

Вахчисарайскій дворець.

Еще и нынѣ величественное, уже пусто. наслѣдіе Гиреевъ; по преддверіямъ, нѣкогда вытираемымъ лбами нашей, по софамъ, престоламъ власти и убѣжищамъ любви, нынѣ скачетъ саранча и вьется гадъ.

Сквозь оконъ разноцвѣтныхъ, плющъ, продираясь по нѣмымъ стѣнамъ и сводамъ, завладѣлъ созданіемъ человѣковъ во имя природы и пишетъ чертами Вальтасара ¹⁾: развалина.

Посреди храминъ чаша, высѣченная изъ мрамора: это фонтанъ гарема, уцѣлѣвшій донынѣ; онъ точитъ перловыя слезы и разноситъ по пустынѣ голосъ свой:

Гдѣ-же вы, о любовь, власть и слава? Вамъ надлежало пребыть навѣки, струя быстро уплываетъ! О позоръ! васъ не стало, а струя журчитъ и понынѣ!

Вахчисарай ночью.

Расходятся изъ Джамидовъ ²⁾ набожные жители, отголосокъ изана теряется въ тиши вечерней; закраснѣлась заря рубиновымъ лицомъ. Сребристый царь ночи спѣшитъ опочить при возлюбленной.

Блистаютъ въ гаремѣ небесъ вѣчные пламенники звѣздъ; посреди ихъ плаваетъ по сапфирному пространству одно облако, какъ сонный лебедь на озерѣ: бѣлыя перси его отливаются золотомъ по краямъ.

Здѣсь падаетъ тѣнь съ минарета и верховъ кипариса; далѣе, полукружіемъ чернѣются исполины гранитные, подобные сатанамъ, сидящимъ въ диванѣ Эвлиса ³⁾.

¹⁾ Пророчество Даниилово, V, 25, 26, 27 и 28.

Авт.

²⁾ Месдзидъ или Джами—обыкновенныя мечети. Извнѣ, по угламъ ихъ, возвышаются тонкія башенки, называемыя минаретами (меваре); онѣ въ половинѣ своей высоты бывають обведены галлереею (шурфе), съ которой мюззинны, или извѣстители, созываютъ народъ къ молитвѣ. Этотъ призывъ съ галлерей называется изавомъ. Пять разъ въ день, въ опредѣленные часы, повторяется изавъ со всѣхъ минаретовъ, и чистый, далеко слышимый голосъ мюззинновъ пріятно раздается по городамъ мусульманскимъ, въ коихъ не слышно стука колесъ и царствуетъ величайшая тишина (Сенковский, Collectanea, T. I, 68).

Лет.

³⁾ Эвлисъ, или Гаразель, у мугаммеданъ—Люциферъ.

Лет.

Подъ наметомъ мрака, иногда на вершинѣ ихъ пробуждается молнія, и быстрою Фариса ¹⁾ пробѣгаетъ по безмолвнымъ пустынямъ лазури.

Гробница Потоцкой ²⁾.

Въ странѣ весны, среди роскошныхъ садовъ, ты увяла, юная роза! Ибо мгновенія протекшаго, улетая отъ тебя, какъ золотые мотыльки, заронили въ глубину сердца червь воспоминаній.

Тамъ, на Сѣверѣ, въ Польшѣ, сіяютъ сборища звѣздъ; почему же по той стезѣ сіяетъ ихъ столько? Не твой ли взоръ, исполненный огня, предъ тѣмъ какъ угаснуть въ могилѣ, безпрерывно туда обращенный, зажегъ эти ясные слѣды?

Полячка! И я дни свои отживу въ скорби уединенной. Пусть здѣсь пріязненная рука броситъ мнѣ горсть земли. Путники, часто бесѣдуя при твоёмъ гробѣ,

Пробудятъ тогда и для меня звуки языка роднаго, и вѣщій, замысля о тебѣ одинокую пѣсню, замѣтитъ близкую могилу и пѣсню заведетъ и про меня.

Могилы Гарема ³⁾.

Мирза въ пилигриму.

Здѣсь изъ виноградника любви взяты были на столъ Аллы недозрѣлыя висти; здѣсь, съ моря утѣхъ и счастья, смерть

¹⁾ Рыцарь Арабскихъ Бедуиновъ.

Авт.

²⁾ Недалеко отъ дворца хановъ возвышается могила, устроенная въ восточномъ вкусѣ, съ круглымъ куполомъ. Есть преданіе въ Крыму, между простымъ народомъ, что памятникъ сей поставленъ былъ Керимъ-Гиреемъ невольницѣ, которую онъ любилъ страстно. Говорятъ, что она была полька, изъ дому Потоцкихъ. Сочинитель *Путешествія по Тавриду*, Муравьевъ-Апостолъ, полагаетъ, что преданіе неосновательно, и что въ гробницѣ сокрыто тѣло какой-то грузинки. Не знаемъ, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе, ибо возраженіе его, что татары въ половинѣ XVIII столѣтія не могли столь легко увозить невольницъ изъ дому Потоцкихъ, недостаточно. Извѣстны послѣдніе мятежи казаковъ на Украинѣ, когда немалое число народа уведено и продано было сосѣднимъ татарамъ. Въ Польшѣ есть многочисленныя дворянскія семейства Потоцкихъ, и невольница могла и не принадлежать знаменитому дому владѣтелей Умани. Изъ протонароднаго разсказа о гробницѣ Бахчисарайской, Русскій поэтъ А. Пушкинъ, съ свойственнымъ ему талантомъ, написалъ повѣсть: *Бахчисарайскій Фонтанъ*. *Авт.*

³⁾ Въ роскошномъ саду, среди высокихъ тополей и шелковницъ, находятся гробницы изъ бѣлаго мрамора Хановъ и Султановъ, ихъ женъ и родственниковъ. Неподалеку въ двухъ зданіяхъ лежатъ гробы, сваленные беспорядочно; они были нѣкогда богато обиты, нынѣ видны голыя доски и лоскутья савановъ. *Авт.*

преждевременно похитила перлы восточные и сложила ихъ въ мрачное лоно гробницы, раковины вѣчности.

Скрыла ихъ завѣса забвенія и времени; надъ ними, посреди сада, блещетъ хладная чалма ¹⁾, какъ бунчукъ войска тѣней, и едва сохранились подъ нею имена, вырѣзанныя рукою гяура ²⁾.

О вы, ровы Эдемскія! У источника непорочности отцвѣли дни ваши подъ листьями застѣнчивости, навѣки утаенные отъ ова невѣрнаго.

Нынѣ гробницы ваши оскорбляетъ воззрѣніе иноземца. Позволяю, прости, о великій пророкъ! Онъ одинъ изъ иноземцевъ, смотрѣлъ на нихъ со слезами.

Байдары ³⁾.

Пускаю на вѣтеръ коня и не щажу ударовъ: лѣса, долины, скалы, то порознь, то вмѣстѣ, уплывають изъ-подъ ногъ моихъ, теряются, какъ волны потока; хочу обезумѣть, упиться вихремъ явленій.

А когда огненный конь не слушаетъ велѣній; когда міръ утрачиваетъ краски свои подъ саваномъ мрака: тогда въ моемъ разгорѣвшемся окѣ, какъ въ разбитомъ зеркалѣ, мелькають привидѣнія лѣсовъ, долинъ и скалъ.

Спитъ земля, я не сплю, видаюсь въ лоно морское; черный, вздутый валъ, съ шумомъ стремится къ берегу: склоняюсь къ нему челомъ, протягиваю руки.

Треснулъ надъ головою валъ, хаосъ меня овружаетъ, жду, пока мысль, какъ челнъ, вращаемый водоворотомъ, завернется и на мгновеніе потонетъ въ забвеніи.

Алушта днемъ ⁴⁾.

Уже гора отрясаетъ съ персей мгlistые покровы, шумить раннимъ намазомъ ⁵⁾ нива златоклассая, превлоняется лѣсъ и

¹⁾ Мусульмане ставятъ надъ гробами каменные чалмы, разной формы, соотвѣтственно тому, мужчина или женщина поконится въ могилѣ. *Авт.*

²⁾ Гяуръ—невѣрный. Такъ называютъ мусульмане христіанъ. *Авт.*

³⁾ Преместная долина, чрезъ которую обыкновенно вѣзжаютъ на южный берегъ Крыма. *Авт.*

⁴⁾ Одно изъ самыхъ роскошныхъ мѣстъ Крыма; туда никогда не доходятъ сѣверные вѣтры и путникъ въ ноябрѣ часто ищетъ прохлады подъ тѣнью огромныхъ итальянскихъ орѣшниковъ, еще зеленыхъ. *Авт.*

⁵⁾ Молитва мусульманская, во время которой они сидятъ и кладутъ поклоны. *Авт.*

сыплеть съ зеленыхъ волосъ, какъ съ четокъ калифовъ ¹⁾, рубины и гранаты ²⁾.

Поляна въ цвѣтахъ, надъ поляною летучіе цвѣты—пестрые мотыльки, какъ бы коса радуги заслонила небеса бриллиантовымъ балдахиномъ; далѣе, саранча тянетъ свой саванъ крылатый.

Тамъ, гдѣ лысая скала глядится въ водахъ, море кипитъ и, отраженное, новымъ приступомъ напираетъ; въ его пѣнѣ играетъ лучъ дневной, какъ въ очахъ тигра, предвѣщая свирѣпѣйшую бурю для земныхъ береговъ, а тамъ, въ открытомъ морѣ, волны легко колышутся, и въ нихъ купаются флоты и стая лебедей.

Алушта ночью.

Свѣжѣетъ вѣтеръ, дневной зной утихаетъ; на рамена Чатырдага падаетъ лампада міровъ, разбивается, разливаетъ пурпурныя струи и гаснетъ. Заблудившійся пилигримъ, оглядывается, вслушивается.

Уже горы почернѣли, въ долинахъ глухая ночь, ручей лепечетъ, какъ съвозъ сонъ, на ложѣ изъ цвѣтовъ, говоритъ сердцу языкомъ, утаеннымъ отъ уха.

Засыпаю подъ крылами тишины и сумрака; вотъ будятъ меня поражающія блески метеора; небеса, долъ и горы облилъ потопъ золота.

Ночь восточная! Ты подобно восточной одалискѣ ласками усыпляешь, а когда сонъ уже близокъ, ты искрою ока вновь пробуждаешь къ ласкамъ.

Чатырдагъ.

Мирза.

Трепещущимъ мусульманиномъ цѣлую подошвы твоей твердыни, мачта Крымскаго корабля! Великій Чатырдагъ! О минаретъ вселенной! Падишахъ горъ ³⁾! ты отъ дольныхъ скалъ убѣжалъ въ облака.

¹⁾ Мусульмане употребляютъ во время молитвъ четки; у знатныхъ особъ бывають они изъ драгоцѣнныхъ камней. *Авт.*

²⁾ Деревя гранатныя и шелковичныя, съ краснѣющими прелестными плодами, встрѣчаются вездѣ, на всемъ южномъ берегу Крыма. *Авт.*

³⁾ Титулъ Турецкаго султана. *Авт.*

Сидишь себѣ подъ вратами небесными, какъ высой Гавріиль¹⁾, стерегущій Эдемскую обитель. Темный лѣсъ твой плащъ, и янычары ужаса вышиваютъ струями молній твою чалму, сотканную изъ облаковъ.

Печеть ли насъ солнце, осѣняетъ ли мгла, пожираетъ ли саранча нашу жатву, гяуръ предаетъ ли огню наши дома, Чатырдагъ! ты всегда пребываешь глухъ, неподвиженъ.

Между міромъ и небомъ, какъ дрогманъ созданія, подоставши подъ стопы свои землю, людей, грома, ты внимаешь только тому, что Богъ глаголетъ творенію.

Пилигримъ.

У ногъ моихъ страна богатствъ и прелестей, надъ головою небо ясное, кругомъ пригожія лица: отчего же сердце порывается въ края далекіе, и увь! во времена еще отдаленнѣйшія!

Литва! для меня очаровательнѣе пѣли твои шумящія лѣса, чѣмъ соловьи Байдары и Сальгирскія дѣвы²⁾; веселѣе было топтать твои влажныя тундры, чѣмъ рубиновыя ягоды и золотые ананасы.

Я такъ далеко! Сколько различныхъ примановъ меня привлекаетъ: отчего же въ раздуміи вздыхаю непрерывно о той, которую любилъ на утрѣ дней моихъ?

Она въ милой отчизнѣ, у меня отнятой, гдѣ ей все повѣдаетъ о вѣрномъ другѣ; попирая мои свѣжіе слѣды, помнитъ ли она обо мнѣ?

Дорога надъ пропастью въ Чуфутъ-Кале³⁾.

МИРЗА И ПИЛИГРИМЪ.

Мирза.

Сотвори молитву, брось поводъ, отврати лицо; здѣсь сѣдовъ довѣряетъ свой разсудокъ ногамъ коня⁴⁾. Добрый конь! смотри,

¹⁾ Оставляю имя Гаврііла, какъ болѣе извѣстное, но собственно, стражъ неба — по восточной мифологіи, есть Рамегъ (созвѣздіе Артура, одна изъ двухъ большихъ звѣздъ, называемыхъ есъ-семекейнъ). *Аст.*

²⁾ Сальгиръ, рѣка въ Крыму, вытекающая изъ подошвы Чатырдага. *Аст.*

³⁾ Чуфутъ-Кале, мѣстечко на высокой скалѣ; дома, стоящіе на берегу, подобны гнѣздамъ ласточекъ: тропинка, ведущая на гору, весьма трудна и виситъ надъ бездною. Въ самомъ городѣ, стѣны домовъ почти соединяются съ краемъ скалы изъ оконъ взоръ теряется въ неизмѣримой глубинѣ. *Аст.*

⁴⁾ Конь Крымскій, въ трудныхъ и опасныхъ проѣздахъ, кажется, имѣетъ осо-

какъ онъ сталь, мѣрять окомъ глубину, гнетъ колѣна, уцѣпляется копытомъ о края берега.

И повисъ! Туда не гляди, тамъ опущенный взоръ какъ въ владыкѣ Ал-Каира о дно не ударится. И руки туда не протягивай, рука твоя не крыло; и мысли туда не опускай, ибо мысль какъ якорь, съ мелкой ладьи брошенный въ неизмѣримость, ринется перуномъ, во дно морское не вонзится и ладью съ собою опрокинетъ въ бездну хаоса.

ПИЛИГРИМЪ.

Мирва! а я заснулъ! свозь щель міра тамъ видѣлъ—чтожъ видѣлъ, повѣдаю послѣ смерти, ибо на языкѣ живущихъ нѣтъ на то выраженія.

Гора Кякнинось.

Мирва.

Взгляни въ пропасть; тамъ небеса лежащія: это море; среди валовъ сдается, что птица-гора ¹⁾, убитая громомъ, расточила свои мачтовые перья въ очеркъ обширнѣйшій, чѣмъ радужная полоса.

И накрыла снѣжнымъ островомъ голубую степь водъ Островъ плавающий въ безднѣ—туча ²⁾: съ ея лона падаетъ на полъ-міра темная ночь. Видишь-ли на челѣ ея огнистую ленту

Это молнія! Но приостановимся; бездна подъ ногами: должно взмахомъ коня перескочить ущелье; я винусь, ты будь готовъ съ бичемъ и шпорою;

Когда сгину изъ очей, смотри на тотъ край скалы; если тамъ блеснетъ перо, то это будетъ чалма моя; если нѣтъ, то знай: людямъ не ѣхать по той дорогѣ.

бый истиннѣе предосторожности и увѣренности. Прежде нежели сдѣлаетъ шагъ держа ногу на воздухѣ, онъ ищетъ камня и испытываетъ, можно ли стать ему безопасно.

Авт.

¹⁾ Известная изъ Тысячи одной ночи, славная въ Персидской мифологіи и многократно восточными поэтами описанная птица Симургъ. „Она велика“, говоритъ Фирдуси въ Шахъ-Намэ, „какъ гора; сильна какъ крѣпость; слона уноситъ въ своихъ когтяхъ“... И далѣе: „увидѣвъ рыцарей, Симургъ сорвался, какъ туча, со скалы, на которой живетъ, и потянулся по воздуху какъ ураганъ, бросая тѣнь на войска конниковъ“. См. Гаммера, Geschichte der Redekünste Persiens. Вѣна. 1818, стр. 65.

Авт.

²⁾ Съ вершины горъ, вознесенныхъ за облака, взглянувъ на тучи, плавающія надъ моремъ, думается, что онѣ лежатъ на немъ, въ видѣ большихъ бѣлыхъ острововъ. Я смотрѣлъ на сіе любопытное явленіе съ Чатырдага. *Авт.*

Развалины замка въ Валаклавѣ. ¹⁾

Сии замки, развалившіеся въ обломкахъ безъ порядка, украшали и сторожили тебя, о Крымъ неблагодарный! Нынѣ торчатъ они на горахъ, какъ черепа великановъ, въ нихъ гнѣзятся гады или чловѣкъ презрѣннѣе самыхъ гадовъ.

Взберемся на башню; ищю остатки гербовъ, есть и надпись, здѣсь можетъ быть имя богатыря, которое было ужасомъ войскъ и нынѣ дремлетъ въ забвеніи, обвитое какъ червь винограднымъ листомъ.

Здѣсь Грекъ высѣкалъ на стѣнахъ Аѳинскія украшенія; отсюда Итальянецъ металъ желѣза на Монголовъ и Меккскій пришелецъ пѣлъ пѣсню намаза.

Нынѣ чернокрылые коршуны облетаютъ гробницы; какъ на мѣстѣ, которое побито язвою, развѣваютъ съ башенъ вѣчно черныя хоругви.

Аюдагъ.

Люблю смотрѣть, опершись на скалу Аюдага, какъ пѣнистыя волны, то въ черный строй сомнувшись кипятъ, то какъ серебристыя снѣга въ неисчетныхъ радугахъ великолѣпно кружатся.

Сокрушаются о мели, разбиваются о зыби, какъ рать китовъ облегаютъ берега, завоевываютъ сушь съ торжествомъ и вспяты убѣгаютъ, меча за собою раковины, жемчуги и кораллы.

Подобно и у тебя на сердцѣ, юный поэтъ! Страсть часто воздымаетъ грозныя непогоды, но только примешься за лютню, страсть безвредно для тебя убѣгаетъ, погружается въ бездны забвенія и роняетъ за собою безсмертныя пѣсни, изъ коихъ вѣка соплетаютъ вѣнецъ для твоей главы“.

Одинъ изъ сихъ сонетовъ: Чатырь-Дагъ, былъ въ Петербургѣ переведенъ на Персидскій языкъ съ предисловіемъ переводчика и литографированъ. Намъ доставили буквальное предложеніе сего любопытнаго образца краснорѣчія восточнаго: подѣлимся удовольствіемъ нашимъ съ читателями и выпишемъ изъ него, что показалось намъ особенно замѣчательнымъ.

¹⁾ Надъ заливомъ сего имени стоятъ развалины замка, построеннаго некогда Греками, выходцами изъ Милета. Потомъ Генуэзцы построили на томъ же мѣстѣ крѣпость Чембало. *Авт.*

„Во дни счастья моего случилось мнѣ имѣть удовольствіе быть въ домѣ науки, въ гнѣздѣ письменъ, ученаго изъ ученыхъ, витіи изъ витій, свѣдущаго въ языкахъ Востока и единственнаго друга моего, г-на Сеньковскаго, Поляка; тамъ осчастливленъ я былъ встрѣчею и полезною бесѣдою, и вскорѣ потомъ связалъ узелъ знакомства съ молодымъ человѣкомъ, совершеннымъ, краснорѣчивымъ, мудрымъ, ученымъ, дружелюбнымъ, хочу сказать съ г-мъ Мицкевичемъ, Полякомъ, который въ изяществѣ поэзіи своего вѣка достигъ до высшей ступени лѣствицы совершенства и отличается среди ученыхъ своего отечества, и коего перлы рѣчъ прекраснаго блеска высоко цѣнятся знатоками Польскаго языка. Съ той поры, каждое мгновеніе присутствія его приносило мнѣ радость и счастье. Но вскорѣ послѣ намѣреніе посѣтить страны чужія созрѣло въ немъ и, проливая мнѣ въ сладость пребыванія съ нимъ отраву прощаній, онъ поднялъ крылья полета своего изъ столицы С.-Петербурга въ землямъ Крыма.

„Полно скорбѣть объ отъѣздѣ этомъ,
„Не здѣсь мѣсто повѣствовать о немъ“.

„Пробѣгая Крымъ, онъ остановилъ шаги и взоры свои передъ великою горою; при взглядѣ на сію гору море воображенія его взъерошилось огромными валами, и онъ нанизалъ на нить описанія каждый сребристый перлъ, брошенный на берегъ рѣчмы. Онъ желалъ, чтобы твореніе его было переведено на языкъ Персидскій; по причинѣ старинной пріязни, въ которой онъ жилъ съ бѣднымъ (со мною), онъ благоволилъ приказать ему перевести оное стихами. Чувствуя въ себѣ недостатокъ дарованія бѣдный, бѣдный, Мирза Джафаръ, Бенъ-Алимъ Данъ-Бегъ, уроженецъ Гусскій, сынъ Топчи-Баши, извинился. Но послѣ, разсудивъ во-первыхъ, что должно задобрить къ себѣ сердца друзей, а во-вторыхъ, что доселѣ никто еще не переводилъ Европейскихъ стихотвореній на Персидскій языкъ, онъ покори́лся симъ двумъ побужденіямъ, и они ухватились за воротъ его воли, такъ, что по возможности онъ пропустилъ это твореніе на нить рѣчмы и изъясненія.

„Пространно расплодился я въ рѣчи своей, но надѣюсь, что завинуть полу забвенія на то, что было“.

Для пополненія сей статьи о сонетахъ Польскихъ, впрочемъ и такъ уже слишкомъ обширной, сообщаемъ здѣсь и еще приложеніе, которое, безъ сомнѣнія, удостоится вниманія читателей, въ совершенно другомъ отношеніи. Заслуженный поэтъ, покоящійся на лаврахъ, но еще чувствительный къ воззваніямъ поэзіи и вѣрно отъливающаящая на ея голосъ, былъ такъ сильно пораженъ красотою сонетовъ, что внезапно и, такъ-сказать, невольно перевелъ одинъ изъ нихъ стихами.

Плаваніе.

Морскія чудища взвозились толпами;
 Волненье, шумъ! Матросъ по вервямъ бѣжитъ;
 Готовьтесь, молодцы! товарищамъ кричитъ.
 Взбѣжалъ, и размахнувъ проворными руками,
 Въ невидимой сѣти повиснулъ, какъ паукъ,
 Стрегущій ткань свою въ движеніяхъ ея.
 О радости вѣтры! Корабль, какъ съ удила сорвался;
 Зашевелился, раскачался,
 Ныряетъ въ пѣнистыхъ зыбяхъ..
 Подъемлетъ вью, топчетъ волны;
 Челомъ бьетъ облакъ, мчится къ небу,
 И вѣтръ онъ забралъ подъ крыло,
 Съ нимъ вмѣстѣ и поэтъ средь бездны
 Уносится порывомъ мачты;
 Надулся духъ его, какъ парусъ, и съ толпой,
 Невольно, шумнымъ онъ восторгамъ предался;
 Соплещетъ спутникамъ, припагъ на край громады,
 И грудью мнитъ ея движенью помогать;
 О, какъ ему легко и любо!
 Отнынѣ только онъ узналъ
 Завидную пернатыхъ долю.

Надѣмся, что сей примѣръ побудитъ соревнованіе и въ молодыхъ первоклассныхъ поэтахъ нашихъ, и что Пушкинъ, Батюшинскій освятятъ своими именами желаемую дружбу между Русскими и Польскими Музами. Пускай оденутъ они волшебными красками своими голое мое начертаніе, и такимъ образомъ выразятъ языкомъ живымъ и пламеннымъ то, что я передалъ на языкѣ мертвомъ и безцвѣтномъ.